

*ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Автор 150 научных публикаций, в т. ч. 4 учебников, 5 монографий**

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ МИФОЛОГЕМА САКРАЛЬНОГО УБЕЖИЩА В ДИСКУРСАХ ПРАВОСЛАВНЫХ СУБКУЛЬТУР

Современная эсхатология маргинального православия является активно развивающейся мифологической системой, способной рецептировать мифологемы и теологемы из различных источников и жанров. Среди ее основных концептов находится представление о том, что верующие при определенных условиях могут пережить ужасы апокалипсиса, спрятавшись в особых убежищах. Мифологема сакрального убежища сформировалась во многом под влиянием неприятия петровских преобразований носителями аграрно-архаичной культуры, сформировавшейся в средневековье. Отсюда проистекали демонизация личности преобразователя и его реформ, эсхатологический образ Санкт-Петербурга. Сегодня мифологема сакрального убежища достаточно часто воспроизводится в пророческих нарративах, популярных в различных православных субкультурах. Знание об этих убежищах сокрыто от простых людей и является содержанием откровения, данного особым подвижникам. Вера в возможность минимизировать ужасы эсхатологических бедствий носит выражено мифологический характер и явственно противостоит догматической православной эсхатологии. Настоящая работа выполнена в рамках комплексного семио-герменевтического подхода, дополненного данными дискурс-анализа и контент-анализа. В качестве источников исследования выступают оригинальные нарративные тексты профетического и эсхатологического содержания, популярные в дискурсах православных субкультур. Результаты исследования подтверждают предположение о семантических и генетических связях мифологемы о сакральных убежищах с древней мифологемой о вечном возвращении. Вследствие их взаимодействия в рамках народной эсхатологии формируются представления о цикличности существования мира, явно противоречащие теологическому учению Православной Церкви. На формирование последних повлиял как наивный оптимизм, вообще свойственный народному мировосприятию, так и древние мифологические реликты, сохранившиеся в недрах народной религиозности.

Ключевые слова: эсхатология, народная религиозность, сакральное убежище, конец света, пророчество.

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20; e-mail: april@mail.ru

Для цитирования: Прилуцкий А.М. Эсхатологическая мифологема сакрального убежища в дискурсах православных субкультур // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 3. С. 128–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.128

Современная народная эсхатология, концепты которой регулярно воспроизводятся в дискурсах различных православных субкультур, не отличается стройностью и логической завершенностью. Исходя из теологического постулата о конечности материального мира в его ныне существующих формах, свойственного авраамической религиозной традиции, народная религиозность формирует сложный мифологический дискурс, в котором собственно эсхатологические верования переплетаются с элементами конспирологического мифа и различными футурологическими мифологемами.

В отечественном религиоведении накоплен известный опыт исследования эсхатологических верований. А.Ю. Григоренко в первой главе монографии, посвященной современной протестантской эсхатологии, анализирует преемственность современных эсхатологических воззрений, восходящих, по мнению автора, к архаичной мифологической религиозности [1]. И.А. Бессонов раскрывает общие вопросы эсхатологии и приводит много уникальных источников, особый интерес представляет устный нарратив [2]. М.В. Ахметова изучает политические коннотации современного эсхатологического мифа и влияние социальных процессов на его динамику [3]. Она обращается к анализу как современной православной эсхатологии, так и эсхатологических взглядов новых религиозных движений. Н.С. Борисов разбирает эсхатологические компоненты древнерусской культуры повседневности [4]. Кроме того, в последнее время были опубликованы отдельные работы, посвященные специфике старообрядческой эсхатологии [5–7], культурологическому анализу эсхатологического мифа [8], корреляциям эсхатологических мифологем и идеологем антисемитского дискурса [9] и другим частным вопросам научного исследования эсхатологии.

Большинство исследователей современной эсхатологии исходят из тезиса о мифологическом характере народной эсхатологии, которая на системном и – отчасти – концептуальном уровнях противостоит теологической эсхатологии «официального православного богословия».

Данный тезис представляется нам вполне продуктивным и соответствующим фактологическому материалу. Наличие в эсхатологических взглядах маргинального православия мифологемы о сакральном убежище и связанной с ней мифологемы о «вечном возвращении», детально проанализированной М. Элиаде [10], оказывается серьезным аргументом в пользу мифологического характера соответствующих нарративов. Настоящая статья является первым опытом анализа функционирования мифологемы о сакральном убежище на материале современных православных субкультур.

Несмотря на множество концептуальных и фактических противоречий, связанных с ламинарным характером народной религиозной культуры, можно говорить о том, что характерный для народной эсхатологии «параноидальный стиль интерпретации символических систем современного общества» складывается в определенную творческую силу [11, р. 196], способную не только породить мифологические тексты, но и влиять на социальное поведение людей. Российский ученый, политик и государственный деятель Б.А. Бахметев (1880–1951), анализируя мировосприятие российского обывателя, пережившего своего рода апокалипсис революции 1917 года, отмечает, что «обыватель вообще не любит “завершенной политики”»; он хочет мира, спокойствия, у него естественная склонность к наивному оптимизму, что все, мол, образуется» [12, с. 259]. Полагаю, что это замечание вполне применимо для рассмотрения современной народной эсхатологии, незавершенный характер и «наивный оптимизм» которой хорошо проявляются в популярной мифологеме о наличии особых сакральных убежищ – территорий, нахождение на которых избавит человека от ужаса эсхатологических катастроф.

Если традиционная новозаветная апокалиптика, квинтэссенцией которой выступает книга Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсис), делает акцент именно на глобальном и необратимом характере апокалиптических катастроф и гонений, то в среде современного

маргинального православия формируются новые – по сути, модернистские – эсхатологические мифологемы: их наличие подтверждает тезис о том, что модернизм и фундаментализм являются амбивалентными феноменами [13, с. 87–97]. Среди них наиболее интересны для исследования те, что могут быть условно определены как «мифологемы эксклюзивной эсхатологии». Они, в свою очередь, имеют две основные разновидности. Первая (и наиболее распространенная разновидность) противопоставляет «город», разращенный и в силу этого «предрасположенный» к принятию власти антихриста, «деревне» – пространству, находясь в котором для человека возможно если не полностью, то в значительной степени минимизировать воздействие эсхатологических природных и социальных катастроф. Данные представления не только содержательно, но и структурно связаны с мифологическим мировосприятием, они порождены дискурсным раскрытием мифологической бинарной оппозиции «город»/«деревня» по типу проанализированных К. Леви-Строссом [14]; их мифологический характер очевиден.

Демонизация городского уклада жизни является вполне традиционной реакцией аграрной культуры на вызовы урбанизации; элементы модернизма присутствуют именно в новейших эсхатологических интерпретациях урбанобобской мифологии, утверждающих, что если в городе спастись от антихриста невозможно, то в деревне – при определенных условиях – удастся пережить ужас предстоящих апокалиптических гонений, голод, войны etc. Возникает закономерный вопрос: какой смысл

в таком «спасении», коль скоро история всего мира закончится неизбежным светопрествлением? Однако спецификой эсхатологических взглядов анализируемых маргинальных групп оказывается формирование представлений о цикличности существования мира, отчетливо мифологических по своему характеру представлений о вполне материальном его возрождении после апокалипсиса: «Первая кончина мира – это всемирный потоп, а вторая его кончина – это время, когда будут гореть огнем земля и небо. Земля станет мертвой, а после снова будут люди, новые люди, будет новый век, будет обновление света»¹. Подобные представления, радикальным образом отвергающие традиционную христианскую эсхатологию с ее линейным временем, делают осмысленным и целесообразным укрывательство в местах спасения.

Деревня спасительна именно тем, что в ней возможно пережить эсхатологический голод и стихийные бедствия, которыми будут преимущественно поражаться города: «...приобретайте землю, она спасет от голода. Лучше жить при земле, т. е. в деревне на всем своем. Независимость от властей – очень важно. А в городе все примут (антихриста. – А. П.), когда скажут: “Иначе отключим отопление, освещение, газ, канализацию, телефон”»²; «Хоть заваленный! Держи избушку! Земля – мать-кормилица. Вот будет страшный голод, трупы будут валяться, а у вас будет своя земелька, она вас будет кормить. И не лениться, не лениться, Господь труды любит <...> А в городе... какая страсть будет! Свет отключат, газ отключат, воду отключат <...> не будет ничего, а люди чуть не заживо гнить будут в квартирах»³. Другой пример: «Вот как

¹См.: Святые угодники божии о последних временах. О подготовке современного мира к принятию антихриста. URL: <https://3rm.info/publications/68318-svyatyie-ugodniki-bozhii-o-poslednih-vremenah-o-podgotovke-sovremennogo-mira-k-prinyatiyu-antihrista.html> (дата обращения: 05.11.2018). Чтобы доказать, что данное представление об обновлении земли не является случайным, приведем еще одно аналогичное, популярное в современных православных субкультурах высказывание: «...когда три эпохи завершатся, человек вернется в пещеры, чтобы учиться жить». См.: Предсказания и пророчества старцев. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2011-11-29-12633> (дата обращения: 05.11.2018).

²Православные старцы о печати антихриста и ее предтечах. URL: <https://3rm.info/publications/62010-pravoslavnye-starcy-o-pechati-antihrista-i-ee-predtechah.html> (дата обращения: 05.11.2018).

³Крест и крестное знамение. URL: <https://megaobuchalka.ru/4/3867.html> (дата обращения: 05.11.2018).

Содом и Гоморра погибли за разврат, вот также и нас сожжет Господь огнем, этот мир сожжет. Такие крупные города, как Москва, Питер, погибнут и все благословлял (старец. – А. П.) уходить из городов в деревню»⁴.

Развитие урбанобобского мифа, демонизирующего город как средоточие зла и отвергающего городской уклад жизни, в известной степени связано с затянувшейся религиозно-культурологической и социальной реакцией крестьянского населения России на реформы Петра Первого, которые были направлены на создание регулярного государства [15, с. 462–463] и насильственное вовлечение в его институты всего населения. Неприятие петровских преобразований значительной частью аграрного населения страны не только проявлялось в демонизации личности преобразователя (мифологический образ «подмененного царя», «царя-антихриста»), но и формировало развитую эсхатологическую мифологию. В конечном счете в недрах народной реакции формируется эсхатологическая семиотика: устойчивые атрибуты городского образа жизни обретают новую семантику и прагматику, трансформируются в своего рода элементы культурного кода и символы, интерпретируемые носителями аграрно-архаической традиции в качестве предзнаменований приближившегося конца света. Не случайно, что одним из важнейших концептов этой мифологии становится Санкт-Петербург – столица петровской России, – который обретает свойства пугающего эсхатологического символа: город антихриста, город-призрак, город, обреченный на затопление в конце времени и т. д. Современные представления о спасении в деревне сформировались в результате контаминации старой урбанобобии и новейшего профетического эсхатологического дискурса, представленного в различных апокрифических пророчествах старцев и т. п.

Вторая разновидность мифологем эксклюзивной эсхатологии – более оригинальная и «мо-

дернистская» – соотносит места спасения не с деревней как таковой, но с особыми мистическими территориями, обычно связанными с жизнью канонических святых и старцев, при этом формируется особая «сакральная география», или «география спасения». В ее основе – представление о том, что существует возможность избежать репрессий антихриста и минимизировать последствия политических, технологических, климатических и прочих катастроф, но для этого недостаточно «просто переселиться в деревню»: необходимо в нужное время оказаться в особом сакральном месте – одном из священных оазисов сравнительного благополучия в океане эсхатологических бедствий. Интересно, что мифологема сакрального убежища особенно популярна, как будет далее показано, в православных субкультурах радикального типа: она удивительным образом уживается с призывами к «исповедничеству» и «мученичеству», хотя по своей сути является прямым отрицанием последнего, поскольку апеллирует к представлениям о возможности спасения от антихристовой власти без каких-либо серьезных страданий, святостью особых мест. В этом мы видим еще одно подтверждение ламинарности современного маргинального православия, семиосфера которого образуется совокупностью противоречащих друг другу концептов и установок.

Вера в особые сакральные места, так или иначе затрагивающая все религиозные традиции, безусловно, восходит к древнейшим религиозным практикам, связанным с идеей о сакральном пространстве, фиксируемой уже для религий неолита. На протяжении истории религии она периодически заявляла о себе в формате религиозных утопий, веры в Шамбалу, Эльдorado или «блаженную страну Беловодье», град Китеж, в попытках построения города Солнца и многочисленных подобных проектах.

В основе же современных вариантов данной мифологемы лежат семантические и семиотические трансформации древнего концепта

⁴Православные старцы: пророчества о спасении в последние дни. URL: <http://protivkart.org/main/5296-pravoslavnyye-starcy-prorochestva-i-o-spasenii-v-poslednie-dni.html> (дата обращения: 05.11.2018).

сакрального пространства, связанные с отмеченной ламинарностью народной религиозности православного паттерна, которая проявляется в существовании нескольких фактически конкурентных дискурсов – церковной иерархии и так называемого старчества.

С точки зрения православной литургики каждый законно освященный храм представляет собой сакральное пространство, это подчеркивается в т. ч. и требованием особого режима ритуальной чистоты, строгих норм, определяющих нахождение и поведение в алтаре и т. д. Храм традиционно воспринимается и как территория убежища, дающая более или менее надежную неприкосновенность находящемуся в нем человеку. Однако как эсхатологическое убежище «обычный» храм не рассматривается, поскольку соотносится с дискурсом церковной иерархии, которая и в сакраментальном, и аксиологическом отношении явно проигрывает «старчеству». Иерархическое духовенство в массе своей не считается православными субкультурами силой, способной противостоять власти антихриста: выражением недоверия к нему служат известные пророческие тексты о тотальном отступничестве духовенства канонических юрисдикций в последние годы перед концом света и приписываемый многим старцам «запрет» на посещение храмов в это время. Например: «...еще раз повторяю, что ходить в те храмы будет нельзя, благодати в них не будет»⁵; «потом в церковь будут пихать силком, но ходить уже будет нельзя, когда уже благодати не будет»⁶ и т. п. Пророчества о предстоящем тотальном осквернении храмов еретиками (вариант – отступниками, криптокатоликами и другими «служителями антихриста») в «последние времена», т. е. незадолго перед «концом света», популярны среди эсхатологических

субкультур православного паттерна не только в силу выраженной перлокутивности, но и благодаря апологетическому потенциалу: они позволяют обосновать непосещение адептами канонических православных храмов.

Однако у данной мифологемы существуют и более мягкие изводы, предполагающие, что предстоящее осквернение храмов антихристовыми служителями не будет иметь тотального характера: речь идет о своего рода исключениях, обусловленных особой святостью и благодатностью отдельных мест: «А когда мы подошли к храму Благовещения, Полношка перекрестилась и сказала: “Вот этот храм будет существовать до Второго Пришествия Иисуса Христа! Наступит час, когда в России будет только семь храмов”. Кроме Зарайского храма она указала и шесть прочих. Среди них я запомнил только знакомые названия – Почаев и Дивеево. Надо было записывать, а я по молодости понадеялся на свою память. А зря! Ей было свыше открыто, что в конце времен останется на белом свете только семь храмов, семь святых мест! Господь Сам будет беречь их до Второго Своего Пришествия! То есть они будут стоять твердо в Правой Вере. А в других местах будут так избивать, что еле жив останешься! Будет тогда особая жестокость над верующими, такая, что даже святые отцы не могли описать!»⁷

Мы видим, что отдельные особо почитаемые храмы интерпретируются не только как места, где не иссякнет благодать Божия, но и как места укрытия, в т. ч. понимаемые вполне буквально, физически. Таким образом, духовная защита сопровождается защитой от гонений и преследований, ожидание которых является важнейшим компонентом эсхатологического мифа. Сакральные места-убежища, подобно эзотерическим «местам силы» (New Age), реализуют различные

⁵Святые об антихристе и апостасии. URL: <http://sborjane.ru/2016/09/01/prorochestva-svyatyx-povsyudubudut-vidny-xramy-i-chiny-cerkovnye-no-eto-tolko-vidimost-vnutri-zhe-otstuplenie/> (дата обращения: 05.11.2018).

⁶Православные старцы о восьмом антихристовом соборе. URL <http://www.odigitria.by/2015/08/04/pravoslavnyestarcy-o-vosmom-antixristovom-sobore-kogda-uzhe-nelzya-budet-xodit-v-xramy/> (дата обращения: 05.11.2018).

⁷Пророчества старцев, война и три великих чуда. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2014-03-10-61174> (дата обращения: 05.11.2018).

семиотические модальности, но их объединяет в плане дискурсивной мифологии вера в то, что их «сила» обычно воспринимается в качестве первичного и самодостаточного актора: она не связана с верой отдельного человека, его нравственностью, следованием аскетическим нормам и т. д., по сути, действует магически.

«Истинные» сакральные места соотносятся в народной традиции с параллельной иерархией ценностей, центром которой оказывается феномен старчества, во многом неформальный и не могущий быть формализуемым. Следует отметить, что почитание старцев далеко не всегда носит неканонический и антииерархический характер – иногда в качестве старцев могут почитаться безупречные в каноническом отношении лица, в т. ч. прославленные церковью святые, носители канонического иерархического сана. Однако в случае конфликта, например старца и архиерея, народные симпатии будут всегда на стороне первого – независимо от его сана и иерархического статуса. Автору известны случаи, когда многочисленные почитатели стремились получить благословение своего старца, невежливо игнорируя присутствие архиерея, к которому при других обстоятельствах они относились весьма почтительно. Именно поэтому почитатели могут не знать и не интересоваться иерархическим статусом их старца. Вопрос о том, является ли он иеромонахом, игуменом, архимандритом, протоиереем и т. д., в их аксиологической системе вторичен, а получение старцем церковно-канонической награды, что значительно повышает авторитет «обычного» священника в глазах паствы, практически не влияет на почитание старца (равно как и наложение канонического наказания).

Если храм может утратить благодать, подвергнуться осквернению, то сакральному месту, освященному святостью старца или чтимого

святого, это не угрожает, поэтому оно как раз и может стать убежищем, для грядущего антихриста недоступным. Вместе с тем сакрализуются как места, связанные с жизнью почитаемого подвижника, так и место его погребения, особенно в том случае, если имеются тексты, позволяющие авторитетно фундировать такие представления, например весьма популярная в новейшей агиографии «заповедь» приходит на «могилку»: «...помоги Господи всем живущим на земле! Война будет, хлеба не будет, но из Киева уезжать нельзя. Кто останется и жив будет и будет работать на госпредприятиях, тот будет получать 200–300 грамм хлеба. На могилку мою ходите. Я сейчас вам помогаю, а потом буду еще больше помогать»⁸.

Однако в качестве «мест спасения» могут выступать и целые области: «Места спасения: в России – Тверская область (источник вод не только всей России, но и многих части Европы). В Украине – Полесье, закрытое для людей ядом Чернобыля. Это тоже источник вод»⁹; «Украину не оставляй, душа моя. Даже для последних времен Бог дал тут заповедный уголок, где можно укрыться. Как благодатен ее край Полесья, чем только не исполнил его Господь. Чего же тебе еще?»¹⁰

Очевидно, что на формирование эсхатологической мифологемы сакрального убежища повлияли и агиографические апокрифы, связанные с почитанием Серафима Саровского, которые – в силу особой почитаемости этого святого – стали своего рода парадигматическими: «А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать будет ей и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее; она за вас возорнет ко Господу и стеною до небес встанет и не впустит его! А колокол-то Московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого,

⁸Православные старцы о Третей мировой войне. Китай нападет на Россию... URL: <http://protivkart.org/main/9136-pravoslavnye-starcy-o-tretey-mirovoy-voyne-kitay-napadet-na-rossiyu.html> (дата обращения: 05.11.2018).

⁹О спасении. URL: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/197-mesta-spaseniya> (дата обращения: 05.11.2018).

¹⁰Там же.

он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится»¹¹.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что мифологема сакрального убежища является важным компонентом современной эсхатологической мифологии. Формируясь в результате взаимодействия семиотических систем различного уровня, данная мифологема в своей прагматике не только способствует развитию представлений о возможности

избежать/минимизировать негативное влияние апокалиптических процессов на избранных, но и в структурном отношении выступает в качестве базиса для раскрытия в эсхатологическом дискурсе мифологема о всеобщем возвращении, характерной для эсхатологий мифологического типа. При этом трансформируется понимание спасения: традиционная теологическая сотериология замещается мифологическими конструктами, весьма напоминающими советы по выживанию в экстремальных условиях.

Список литературы

1. Григоренко А.Ю. Эсхатология, милленаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки. СПб.: Европ. дом, 2004. 391 с.
2. Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.
3. Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, изд-во РГГУ, 2010, 336 с.
4. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Акад. проект, 2017. 395 с.
5. Любимова Г.В. «Техническая эсхатология» в современной народно-православной и старообрядческой традиции Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 119–127.
6. Свиридонова А.И. Старообрядческая эсхатология первой половины XX в. по материалам периодической печати // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2017. Т. 8, вып. 3(57). DOI: 10.18254/S0001626-7-1
7. Малафеева М.А. Бинарные и сверхбинарные оппозиции в контексте старообрядческого эсхатологического дискурса // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2014. Т. 15, вып. 2. С. 225–231.
8. Ковальска-Стус Х. История и эсхатология на границе двух культур // Филаретов. альм. 2013. № 9. С. 123–134.
9. Красиков А.А. Эсхатология и антисемитизм в православии // Соврем. Европа. 2018. № 1(80). С. 148–150. DOI: 10.15211/soveurope12018148150
10. Eliade M. The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History. Princeton: Princeton UP, 1971. 258 p.
11. Davis E. TechGnosis: Myth, Magic + Mysticism in the Age of Information. Five Star, 2005. 372 p.
12. Квакин А.В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. М.: Центрполиграф, 2006. 413 с.
13. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестн. Православ. Св.-Тихонов. гуманитар. ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. Вып. 1(57). С. 87–97. DOI: 10.15382/stur1201557.87-97
14. Lévi-Strauss C. Structural Anthropology. N. Y., 2008. 441 p.
15. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетея, 2002. 672 с.

References

1. Grigorenko A. Yu. *Eschatologiya, millenarizm, adventizm: istoriya i sovremennost'. Filosofsko-religiovedcheskie ocherki* [Eschatology, Millenarianism, Adventism: History and Modernity. Philosophical and Religious Essays]. St. Petersburg, 2004. 391 p.

¹¹Канавка Божией Матери. URL: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/116-kanavka> (дата обращения: 05.11.2018).

2. Bessonov I.A. *Russkaya narodnaya eskhatologiya: istoriya i sovremennost'* [Russian Folk Eschatology: History and Modernity]. Moscow, 2014. 336 p.
3. Akhmetova M.V. *Konets sveta v odnoy otdel'no vzyatoy strane: religioznye soobshchestva postsovetskoj Rossii i ikh eskhatologicheskij mif* [The End of the World in One Country: Religious Communities of Post-Soviet Russia and Their Eschatological Myth]. Moscow, 2010, 336 p.
4. Borisov N.S. *Povsednevnyaya zhizn' srednevekovoy Rusi nakanune kotsa sveta: Rossiya v 1492 godu ot Rozhdestva Khristova, ili v 7000 godu ot Sotvoreniya mira* [Everyday Life of Mediaeval Russia on the Eve of the End of the World: Russia in the Year 1492 AD, or in the Year 7000 AM]. Moscow, 2017. 395 p.
5. Lyubimova G.V. "Tekhnicheskaya eskhatologiya" v sovremennoy narodno-pravoslavnoy i staroobryadcheskoj traditsii Sibiri ["Technological Eschatology" in Modern Traditions of Popular Orthodoxy and Among the Old Believers of Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2009, no. 3, pp. 119–127.
6. Sviridonova A.I. Staroobryadcheskaya eskhatologiya pervoy poloviny XX v. po materialam periodicheskoy pechati [The Eschatology of the Old Believers of the First Half of the 20th Century According to the Materials of the Periodical Press]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, 2017, vol. 8, no. 3. DOI: 10.18254/S0001626-7-1
7. Malafeeva M.A. Binarnye i sverkhbinarnye oppozitsii v kontekste staroobryadcheskogo eskhatologicheskogo diskursa [Binary and Over-Binary Oppositions in the Context of the Old Believers' Eschatological Discourse]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 225–231.
8. Kovalska-Stuss H. Istoriya i eskhatologiya na granitse dvukh kul'tur [History and Eschatology Between Two Cultures]. *Filaretovskoy al'manakh*, 2013, no. 9, pp. 123–134.
9. Krasikov A.A. Eskhatologiya i antisemitizm v pravoslavii [Eschatology and Anti-Semitism in Orthodoxy]. *Sovremennaya Evropa*, 2018, no. 1, pp. 148–150. DOI: 10.15211/soveurope12018148150
10. Eliade M. *The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History*. Princeton, 1971. 258 p.
11. Davis E. *TechGnosis: Myth, Magic + Mysticism in the Age of Information*. Five Star, 2005. 372 p.
12. Kvakin A.V. *Mezhdu belymi i krasnymi. Russkaya intelligentsiya 1920–1930 godov v poiskakh Tret'ego Puti* [Between the Whites and the Reds. Russian Intelligentsia of 1920–1930 in Search of the Third Way]. Moscow, 2006. 413 p.
13. Golovushkin D.A. Religioznyy fundamentalizm / religioznyy modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny? [Religious Fundamentalism / Religious Modernism: Conceptual Adversaries or Ambivalent Phenomena?]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, no. 1, pp. 87–97. DOI: 10.15382/sturI201557.87-97
14. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. New York, 2008. 441 p.
15. Domnikov S.D. *Mat'-zemlya i Tsar'-gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother Earth and Tsar-City. Russia as a Traditional Society]. Moscow, 2002. 672 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.128

Aleksandr M. Prilutskiy

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
nab. reki Moyki 48, korp. 20, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;
e-mail: april@mail.ru

ESCHATOLOGICAL MYTHOLOGEME OF SACRED SHELTER IN THE DISCOURSES OF ORTHODOX SUBCULTURES

The modern eschatology of marginal Orthodoxy is an actively developing mythological system able to borrow mythologemes and theologemes from various sources and genres. Among its main concepts

For citation: Prilutskiy A.M. Eschatological Mythologeme of Sacred Shelter in the Discourses of Orthodox Subcultures. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 3, pp. 128–136. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.3.128

is the idea that under certain conditions believers can survive the horrors of the apocalypse by hiding in special shelters. The mythologeme of sacred shelter developed largely due to the rejection of Peter the Great's reforms by the carriers of the archaic agrarian culture that had been shaped in the Middle Ages. This led to the demonization of the tsar and his reforms as well as to the formation of the eschatological image of St. Petersburg. Today, the mythologeme of sacred shelter is often reproduced in prophetic narratives popular in various Orthodox subcultures. Knowledge about these shelters is hidden from ordinary people and is only available to certain spiritual leaders through revelation. The belief in the ability to minimize the horrors of eschatological disasters is clearly mythological in nature and is definitely opposed to the dogmatic Orthodox eschatology. This research was performed within the framework of the comprehensive semio-hermeneutic approach, supplemented with the data of discourse analysis and content analysis. The sources of the study were original narrative texts of prophetic and eschatological content, popular in Orthodox subcultures today. The results obtained confirm the assumption about the semantic and genetic relationships between the mythologeme about sacred shelters and the ancient mythologeme about the eternal return. Their interaction within the framework of folk eschatology gives rise to the ideas about the cyclic nature of the world's existence, which clearly contradict the theological teaching of the Orthodox Church. These ideas were influenced by both naive optimism, generally characteristic of the popular worldview, and ancient mythological relics preserved in the depths of folk religiosity.

Keywords: *eschatology, folk religiosity, sacred shelter, end of the world, prophecy.*

Поступила: 05.11.2018

Принята: 11.12.2018

Received: 5 November 2018

Accepted: 11 December 2018